

© 2012 г.

Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет. Под ред. А.А. Малышева. М., 2010 (Некрополи Черноморья. III). 272 с.

В 2010 г. издан сборник, подготовленный коллективом авторов в Институте археологии РАН. Он посвящен памяти Юлии Семеновны Крушкол (1905–1977) и содержит публикацию могильника VI–V вв. до н.э., раскопанного ею в окрестностях Анапы. В наши дни этим материалом постоянно пользуются в обобщающих и публикационных работах многие исследователи Северо-Западного Кавказа и Боспора. Отчеты о полевых исследованиях некрополя переданы авторами раскопок в Архив ИА РАН, погребальный инвентарь комплексов хранится в Анапском историко-археологическом музее-заповеднике¹. Коллекция неполная, многие вещи утрачены.

Научную деятельность Ю.С. Крушкол начала в Отделе нумизматики Государственного исторического музея, работая с коллекциями античных монет, и отдала этому направлению более десяти лет. Без малого 30 лет она вела преподавательскую работу на историческом факультете Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской, поначалу сочетая ее с работой в музее. Статья памяти Юлии Семеновны в рецензируемом сборнике написана доцентом кафедры истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета А.С. Клеменовым, его статью завершает список работ Ю.С. Крушкол.

В 1950–1960-х годах Ю.С. Крушкол руководила работами археологической экспедиции МОПИ (ныне МГОУ) в Анапском районе. В частности, ею был раскопан интересный памятник рубежа тысячелетий – укрепленная усадьба вблизи хутора Рассвет². Она входила в систему обороны восточных границ азиатской части Боспора, начавшую создаваться при Митридате VI Евпаторе, а затем поддерживавшуюся его преемниками, особенно Асандром (47–17 гг. до н.э.) и Аспургом (13/14–37/38 гг. н.э.)³. В 1960-е годы цепь укреплений выявлена Н.И. Сокольским на Фанталовском полуострове (так называемые «батарейки») ⁴, на подступах к Горгиппии (Анапа) в 1980-х годах экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Е.М. Алексеевой раскопана крепость вблизи станицы Анапской⁵, далее в сторону Новороссийска в 1960-х годах экспедиция Н.А. Онайко (ИА АН СССР) исследовала крепости Цемесской долины⁶. Памятник у пос. Рассвет входит в эту систему обороны. Крепости служили заслоном от воинственных степняков, охраняли хлебные житницы Боспора и торговый путь от Керченской переправы через пролив к перевалам Кавказа.

Работая в Анапском районе, Ю.С. Крушкол получила сведения о разрушении древних могил в самом поселке Рассвет, охранные раскопки показали, что это часть обширного некрополя. Исследование его велось Ю.С. Крушкол с 1961 по 1972 г., а затем в 1975–1977 гг. В.Н. Карасевым. Некрополь представляет для исследователей Северо-Западного Кавказа и ранней истории Боспора огромный интерес. Большинство открытых на нем захоронений относится к VI–V вв. до н.э. – периоду основания и становления в причерноморской зоне Северо-Западного Кавказа греческих полисов. Открытый Ю.С. Крушкол могильник стал первым памятником, пролившим свет на автохтонное население в округе одного из наиболее крупных полисов Боспора – Горгиппии, локализующейся в центре нынешней Анапы. В 1970–1990-х годах Анапская экспедиция ИА РАН исследовала еще четыре подобных некрополя, подняв верхнюю границу их бытования до эпохи эллинизма. Эти некрополи отли-

¹ Коллекция КМ 8365.

² Крушкол 1968, 213–219.

³ Сапрыкин 2002, 181–191.

⁴ Сокольский 1963а, 171; 1963б, 19; 1967, 108; 1975, 29; 1976.

⁵ Алексеева 1997, 52.

⁶ Онайко, Дмитриев 1982, 106–122.

чает обильное использование камня в конструкциях погребальных сооружений, отчего мы условно называли эти некрополи «каменными».

Глава 1 рецензируемого сборника «Описание погребальных комплексов. Каталог» подготовлена по предварительным публикациям некрополя⁷ и полевой документации Ю.С. Крушкол доцентом Сочинского государственного университета туризма и курортного дела А.М. Новичихиным, принимавшим участие в археологических экспедициях в районе Анапы и Новороссийска. Каталог включает 160 погребальных комплексов, описанных по единой системе: погребальное сооружение, параметры, особенности погребального обряда, сопровождающий покойного инвентарь, чертежные и фотоматериалы.

В конце описания каждого комплекса указана его дата, однако не отмечено, какие именно из найденных предметов являются определяющими. Вследствие этого более узкие, чем век датировки (первая половина, вторая половина, конец, начало, середина столетия) вызывают недоумение, их не следовало бы вводить в публикацию, даже если они присутствуют в полевой документации Ю.С. Крушкол (безусловно, как предварительные). Например, для погребения 10 (с. 31) указана дата: вторая половина VI–V в. до н.э. Инвентарь из этого комплекса состоит из трех раковин каури и серебряной амулетницы в виде цилиндрика с тремя петлями. Аналогии ей (с. 235) указаны среди украшений как первых веков нашей эры, так и V–IV вв. до н.э. Относительно раковин каури отмечена (с. 238) их встречаемость в комплексах V–IV вв. до н.э. Откуда же появилась в дате комплекса вторая половина VI в., да и весь V в. до н.э.? Погребение 127 (с. 160) датировано второй половиной VI–V в. до н.э. при единственной находке в нем – стеклянной бусине, которая к тому же не сохранилась и форма ее неизвестна. Для изначально безинвентарного погребения 35 в качестве даты указана вторая половина VI–V в. до н.э. На каком основании произведены такие датировки? Это не единичные примеры. Подобная воляность с хронологией в археологии недопустима. Ситуацию смягчает то обстоятельство, что полная визуальная публикация сохранившихся находок позволяет читателю самостоятельно вносить корректировки в вопросы датировок.

Рядом с некрополем расположен курган, раскопанный Ю.С. Крушкол в 1961 г. Описание кургана отсутствует. Судя по схематичному чертежу (с. 187, рис. 207), он имел высоту около 4 м, диаметр около 20 м. Основание его окружал кромлех шириной около 1 метра. В центре кургана располагался еще один такой же кромлех диаметром около 5,5 м. Судя по чертежу, высота кромлехов приближалась к 1 метру, под всем курганом указана подсыпка. В трех местах насыпи обнаружены скопления костей от разрушенных погребений. Курган отнесен к майкопской культуре эпохи ранней бронзы. В разных местах насыпи расчищены 4 впускных погребения, хронологически соответствующие архаическому некрополю. Только в одном из них сохранились три лепных сосуда, двум из которых указаны аналогии в комплексах VI в. до н.э. из могильников Прикубанья (с. 224). В трех других впускных погребениях датирующие находки отсутствуют, но каждое из них бесосновательно отнесено к первой половине VI в. до н.э. Не объяснено также, на каком основании курган связан именно с «майкопской культурой раннего бронзового века» (с. 186).

Глава 2 «Планиграфия и погребальный обряд могильника у хутора Рассвет» также написана А.М. Новичихиным. В ней обобщены полученные сведения относительно соотношения взрослых и детских могил (детских 52 %), о количестве погребенных в одной могиле (75 % – одиночные, 25 % – коллективные), отмечено оформление дна могил (подсыпки из песка и известняковой крошки, выстилка каменными плитами), выявлено преобладание ориентировки головой в восточный сектор, рассмотрены позы погребенных, произведены сравнения обряда погребения (поза, количество погребенных и проч.) в каменных ящиках и ямах. Относительно погребения 32 – ямы с кромлехом – отмечено обращающее особое внимание захоронение четырех черепов, в связи с чем проведена параллель со сведениями Геродота (IV. 64–65) и несколькими рельефами, подтверждающими существование у варваров обычая сохранения голов убитых врагов в качестве трофеев. Учитывая пренебрежительное отношение к врагам неясно, для чего хоронить «чужие» черепа по местному обряду среди «своих» мертвых.

В специальном разделе главы рассмотрены особенности размещения погребального инвентаря в могилах, выявлены некоторые закономерности в этом наблюдении, указаны параллели из других могильников Прикубанья. Особенности погребального обряда всех погребений сведены в таблицу (с. 199–203).

Перу А.М. Новичихина принадлежит и глава 3 «Погребальный инвентарь некрополя у хутора Рассвет». Весь материал из захоронений некрополя рассмотрен по группам, выделенным по функциональному назначению предметов и формам с привлечением аналогий (преимущественно из региона Прикубанья), которые в той или иной мере служат обоснованием хронологии.

⁷ Крушкол 1963; 1971; Карасев, Лебеденкова 1972.

Глава 4 «Исследование бронзовых украшений из могильника у хутора Рассвет» написана научным сотрудником Института переднеазиатской археологии Свободного университета Берлина М.Ю. Трейстером. Наиболее массовыми в могильнике являются браслеты (семь из восьми однотипны) и спиралевидные подвески. Ареал распространения тех и других достаточно широк и хронологически выходит за рамки VI–V вв. до н.э. Исследования 24 предметов, проведенные в Лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА АН СССР (материал могильника привлекал внимание М.Ю. Трейстера еще в давние годы), выявили для браслетов, перстней и колец абсолютное преобладание оловянистой бронзы (содержание олова превышает 10%); напротив, среди серег преобладают оловянисто-свинцовые бронзы (содержание свинца 0,1–3,5 %); только одна обойма изготовлена из чистой меди. Обнаруженные закономерности объясняются зависимостью типа сплава от формы и назначения предмета. Указанные сплавы характерны для бронзовых украшений хронологически близких погребений боспорских некрополей. В главе представлена таблица с указанием содержания различных элементов, выявленных количественным спектральным анализом предметов, с которых взяты пробы.

Глава 5 «Технологические особенности кузнечной продукции из некрополя у хутора Рассвет» написана старшим научным сотрудником Лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН Н.Н. Тереховой. В главе полностью опубликованы анализы 15 предметов из железа (6 кинжалов, 6 наконечников копья, один браслет и два ножа). Металлографический анализ изделий установил использование при их изготовлении различных производственных традиций. Местная традиция основана на простых технологиях – ковке изделия из металлургического сырья (железа и сырьевой стали без улучшения их качеств, использование металлического лома). Другая характеризуется применением передовых технологий времени – искусственного получения стали высокого качества с доплавом мягкой закалкой. «Получение стали с ее термической обработкой в раннем железном веке было известно в немногих производственных центрах, например, в ареале кобанско-колхидских культур. Сам процесс получения стали путем науглероживания (цементации) был очень трудоемким» (с. 243). Еще одним достижением кузнечного ремесла стало «открытие способности стали воспринимать термическую обработку – закалку» (с. 244). Среди кузнечных изделий могильника есть предметы со сложным профилем, для изготовления которых применялись специальные инструменты. Использование конструктивной сварки для крепления наконечников и перекрестий на клинках оружия требовало хорошего знания температурного режима, зависящего от сорта металла. Такая продукция высококвалифицированных мастеров могла попасть в среду местного населения только из центра со сложившимися традициями производства цементированной стали – возможно, из ареала культур колхидо-кобанского круга, где это искусство было известно еще в доскифский период⁸.

В Заключении, написанном А.М. Новичихиным, затронуты проблемы этнической атрибуции могильника и его культурной принадлежности. Автор отмечает, что древнейшими погребениями (первой половины VI в. до н.э.) являются захоронения под «закладами», а с середины VI в. до н.э. начинается использование ям и каменных ящиков, обычно с кромлехами. Это заключение можно отнести к разряду интуитивных и никак не очевидных. Чтобы убедиться в его правильности, читатель должен самостоятельно произвести выборку тех и других погребений (они не перечислены автором) и проверить, чем именно они датированы и на этом основании самим выявить более древние. На некрополе нет перекрывающих друг друга комплексов, что помогло бы проследить развитие обряда. Выше указаны примеры произвольной датировки комплексов, узкие датировки (первая половина, середина, начало, конец столетия) не обоснованы и вряд ли возможны при существующем состоянии материала. Поэтому, подводя итог и утягивая большие утраты, было бы целесообразно ограничиться для некрополя широкими хронологическими рамками VI–V вв. до н.э.

Некрополь у хутора Рассвет был первым в цепи подобных, к настоящему времени их известно чуть менее десятка. Под Анапой такие некрополи исследовались: около Воскресенского, вблизи поселков Красный Курган и Красная Скала, на территории ОПХ «Анапа» (опытного хозяйства)⁹. В сторону Новороссийска они выявлены в Лобановой Щели, Широкой Балке, Цемдолине, на полуострове Абрау¹⁰.

Кроме близкого облика и сходства конструкций погребальных сооружений эти некрополи объединяют и другие черты – единовременность начального этапа, встречаемость коллективных захоронений, близкие формы лепных сосудов и некоторых бронзовых украшений.

Ю.С. Крушкол открытый ею могильник и всю территорию вокруг Анапы связывала с историческими синдами, так же и авторы издания некрополя у хутора Рассвет местность его локализации на-

⁸ Терехова и др. 1997, 44 сл.

⁹ Алексеева 1991, 56–64 (опубликованы комплексы VI–V вв. до н.э.).

¹⁰ Малышев 1995; Дмитриев, Малышев 1999; 2005; 2009; Новичихин 2006.

звали архаической Синдикой. В последние десятилетия археология и эпиграфика дополнили наши сведения относительно истории данного региона в период становления там античной культуры. Первостепенную значимость имеет находка в 1986 г. на Семибратнем городище посвячительной надписи Левкона I, из которой следует, что этот памятник носил название Лабрис и там находилась столица Синдского царства¹¹. Надпись Левкона подвела итог и долгим спорам о принадлежности Семибратних курганов, безусловно определив их царским некрополем синдов. С этой находкой большую реальность приобрел комплекс свидетельств древних авторов относительно локализации Синдики и связанных с ней топонимов (этот вопрос имеет огромную историографию). Однако несмотря на продолжающиеся раскопки Семибратнего городища археологическая культура синдов не выделена и остается для нас фантомом.

Важным для истории региона стало и открытие в Анапе крупного греческого полиса с жилыми кварталами и несколькими строительными периодами, который развивался самостоятельно с середины VI в. до н.э. не менее полутора веков, пока не был включен в формирующееся Боспорское государство. Все это время культура полиса оставалась чисто эллинской. Полис возник на землях, на которых обитало аборигенное население, оставившее «каменные» некрополи, ранние комплексы которых синхронны появлению в регионе греков. Судя по нижней дате, население, оставившее «каменные» некрополи, подобно грекам, было в данной местности пришлым, и процесс его седентаризации совпал с появлением первых мореплавателей из Эллады. По счастливой случайности под могилами VI в. до н.э. некрополя в районе поселка Красная Скала зафиксированы скорченные захоронения с охрой, видимо эпохи бронзы. Полис (условно Синдская Гавань) почти с момента основания находился в контактах с местным населением. Его рынок снабжал окрестности в радиусе не менее 15 км средиземноморскими товарами, которые пользовались большим спросом у местного населения, о чем свидетельствует высокий процент соответствующих находок в погребениях «каменных» некрополей. Население, оставившее «каменные» некрополи, имело контакты и с земледельческими меотскими племенами Прикубанья, так как среди лепной посуды отмечены формы, характерные для раннемеотских памятников.

Следует отметить широкий ареал специфического облика «каменных» некрополей, а также отсутствие их на Таманском полуострове, включенном древними авторами в Синдику (Ps.-Scyl. Per. 72–74.). «Каменные» некрополи занимают обширную территорию от Анапы до Новороссийска и от Анапы до Семибратнего городища и фиксируются даже в Восточном Крыму¹². В.Г. Тизенгаузен, раскапывая Семибратние курганы, открыл вблизи Семибратнего городища обширный некрополь с каменными ящиками (некрополь рядового населения этого городища?).

Обширность территории, занимаемой «каменными» некрополями заставляет осторожнее относиться к их интерпретации как синдских. Скорее всего мы имеем дело с общностью родственных племен, различить которые у нас нет возможности. В эту общность входили и синды, и их ближайшие соседи. Современные археологические исследования зафиксировали признаки скифского проникновения в Прикубанье и смешение скифов с местным протомеотским и меотским населением¹³. Исследователи, основываясь на ономастике, рассматривают династические контакты синдской и меотской знати¹⁴. Таким образом, приморская часть Северо-Западного Кавказа к моменту проникновения сюда греческих колонистов была обитаема и население ее не было однородным.

Литература

Алексеев А.Ю., Рябкова Т.В. 2010: Древние культуры Кубани. Скифы // Античное наследие Кубани. Т. I. М., 236–259.

Алексеева Е.М. 1991: Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.

Алексеева Е.М. 1997: Античный город Горгиппия. М.

Дмитриев А.В., Малышев А.А. 1999: Могильник VI–II вв. до н.э. в устье Лобановой Щели // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 5. Армавир, 17–52.

Дмитриев А.В., Малышев А.А. 2005: Некрополи аборигенного населения у пос. Большие Хутора, в Цемдолине и на Шесхарисе // На юго-восточных рубежах азиатского Боспора. Новороссийск, 53–73.

¹¹ Тохтасьев 2004, 144–180.

¹² Масленников 1995.

¹³ Алексеев, Рябкова 2010, 236–259; Лимберис, Марченко 2010, 187–217.

¹⁴ Тохтасьев 2004; Яйленко 2010, 29–35.

Дмитриев А.В., Малышев А.А. 2009: Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н.э. // *ABRAU ANTIQUA*. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М., 57–73.

Карасев В.Н., Лебеденкова Л.С. 1972: Гробницы у х. Рассвет // *КСИА*. Вып. 130, 58–61.

Крушкoл Ю.С. 1963: Археологические исследования древней Синдики экспедициями Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской // *Учен. записки МОПИ*. Т. СХV. Всеобщая история. Вып. 4. М., 47–109.

Крушкoл Ю.С. 1968: Античное здание в районе Горгиппии // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. К столетию со дня рождения акад. С.А. Жебелёва. 1867–1967. Л., 213–219.

Крушкoл Ю.С. 1971: Древняя Синдика. М.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2010: Древние культуры Кубани. Меоты // *Античное наследие Кубани*. Т. I. М., 187–217.

Масленников А.А. 1995: Каменные ящики Восточного Крыма. К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э. М. (Боспорский сборник. Вып. 8).

Новичихин А.М. 2006: Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). Анапа.

Сапрыкин С.Ю. 2002: Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.

Онайко Н.А., Дмитриев А.В. 1982: Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // *ВДИ*. № 2, 106–122.

Сокольский Н.И. 1963а: Крепость на городище у хутора Батарейка I // *СА*. № 1, 179–191.

Сокольский Н.И. 1963б: К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // *Acta antiqua Philippopolitana. Acta archaeologica*. Sofia, 11–25.

Сокольский Н.И. 1967: Крепость на поселении Батарейка II // *КСИА*. Вып. 109, 108–115.

Сокольский Н.И. 1975: Крепость аспургиан на Боспоре // *КСИА*. Вып. 143, 21–30.

Сокольский Н.И. 1976: Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. 1997: Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.

Тохтасьев С.Р. 2004: Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (обзор новых эпиграфических публикаций) // *ВДИ*. № 3, 144–180.

Яйленко В.П. 2010: Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М.

Е.М. Алексеева,
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Института археологии РАН

© 2012 г.

New Studies on the Seleucids. ed. by E. Dąbrowa. Kraków: Jagiellonian University Press, 2011 (Electrum. Vol. 18). 196 P.*

Последний, 18-й том альманаха «Electrum», вышедший под заголовком «Новые исследования по истории Селевкидов», – заметное событие для исследователей эллинизма. За последние два десятилетия различным аспектам истории этой эллинистической монархии посвящено более десятка монографий, в которых были переосмыслены старые и предложены новые концепции, проведены важные исследования в области эпиграфики, нумизматики и археологии. В то же время тематические сборники статей по истории державы Селевкидов стали во многом историографической редкостью, и появление такой работы сразу же обращает на себя особое внимание. Рецензируемое издание представляет собой сборник статей, объединенных только в самом широком смысле идеей новых тен-

* Автор выражает благодарность профессору Ягеллонского университета (Краков) Э. Домброва за предоставленную возможность ознакомиться с 18-м томом альманаха.